

Понятие «возможного мира» в работах С. Крипке

А.А. КОВТУН

Днепропетровский национальный университет им. О.Гончара,
Днепр, Украина

Авторское резюме

В статье рассматривается понятие «возможного мира» в философии Сола Крипке. Выяснено, что в существующих работах философ не дает определенных рамок для этого понятия, однако существуют иные способы представления «возможного мира». Представляется аналогия, с помощью которой можно лучше представить данное понятие, избегая неверного толкования. Установлены некоторые аспекты и особенности построения возможных миров по теории С. Крипке. Поясняется доказательство о случайных утверждениях тождества и его ложность. Раскрывается схожесть понятий Б. Рассела «область действия дескрипции» и С. Крипке «теория дескрипций». Описываются особенности встраивания имен собственных в рамки понятия «контрфактической ситуации» и отображается необходимость свойства самотождественности объекта при переходе из актуального мира в потенциальный. Очерчиваются особенности критики У.В.О. Куайном взглядов Р.Б. Маркуса касательно вопроса об именах собственных и их дескрипциях. Излагаются схожие черты между дейктическими именами и именами собственными.

Ключевые слова: контрфактическая ситуация; имя собственное; модальная логика; тождество

The notion «possible world» in works of S. Kripke

A. KOVTUN

Oles Honchar Dnipropetrovsk national university, Dnipro, Ukraine

Abstract

The notion «possible world» has been existed in philosophy since ancient time. Nevertheless there were different approaches to it. Now this term has obtained new features in the contemporary philosophy and it evoking a lot of disputes. The person who made the most influential impact to the development of the «possible world» is Soul Kripke, besides he was the first who represented this term in the context of analytical philosophy. Therefore it is necessary to understand what he means when he uses phrase «possible world». The article investigates Soul Kripke's point of view on the essence of the possible world. This term was reintroduced to philosophy due to the difficulties which modal logic is facing. There is not special work in his bibliography, which is devoted to the disclosure of the meaning of this notion; however we can find some pieces of information, in which we are interested, in the closer examination of his works. Notwithstanding that he leaves the possibility of construction of peculiar properties of the possible worlds to his readers, Kripke has a lot of concerns about misunderstanding and misuse of the term. In order to prevent such things, we can find out one interesting comparison, which is made by the philosopher, this is an analogy with dices as the construction of mini-worlds which are possibly can exist. Yet there was another necessity of presenting «possible world». The article shows issues related to this subject such as truth-value of sentence in counterfactual situations, the identity of objects in possible and actual world. He concerns with the question «how are contingent identity statements possible?», which emerges wide range of controversies. This issue closely related to the notion of «necessity», which can help us to answer the question about contingent identity statement. Using proper names, we can explore the essence of identity with the help of Russell's notion of the scope of a description. Complexity of proper names is that they might be used only to refer to some object, nevertheless they are not just some kinds of labels, but they can carry some descriptive functions.

Keywords: counterfactual situation; the proper name; modal logic; the identity

Поняття «можливого світу» в роботах С.Кріпке

А. А. КОВТУН

Дніпропетровський національний університет ім. О.Гончара,
Дніпро, Україна

Авторське резюме

У статті розглядається поняття «можливого світу» в філософії Сола Крипке. З'ясовано, що в існуючих роботах філософ не дає певних рамок для цього поняття, проте існують інші способи представлення «можливого світу». Висвітлена аналогія, за допомогою якої можна краще подати це поняття, уникаючи невправного тлумачення. Встановлено деякі аспекти та особливості побудови можливих світів з теорії С. Крипке. Пояснюється доведення випадкових тверджень тотожності і його хибність. Розкривається

схожість понять Б. Рассела «сфера дії дескрипції» і С. Кріпке «теорія дескрипцій». Описуються особливості вбудовування власних назв у рамки поняття «контрфактичних ситуацій» і відображається необхідність властивості самототожності об'єкта при переході з актуального світу в потенційний. Окреслюються особливості критики У.В.О. Куайном поглядів Р.Б. Маркус щодо питання про імена власні і їх дескрипціях. Викладаються схожі риси між дійсними іменами та іменами власними.

Ключові слова: контрфактична ситуація; власні імена; модальна логіка; тотожність

Постановка проблеми. Ідея можливих миров существовала в западном философском лексиконе в том или ином виде фактически с античных времен. От мыслителя к мыслителю, от школы к школе, от эпохи к эпохе она видоизменялась, трактовалась в различных значениях, получала новые смыслы и использовалась в различных целях. Современные мыслители не являются исключением и, работая с, казалось бы, одними и теми же понятиями, они вкладывают в них разные значения, понимая их по-разному, используя их для разных целей.

Исследователи, занимающиеся логикой на рубеже столетий, столкнулись с проблемой определений условий истинности в модальных предложениях. Именно в связи с этим вопросом Крипке вводит понятие модельных структур или же возможных миров. Как и многих его предшественников, цель Крипке не просто предоставить теорию о возможных мирах. Этот термин в его работах появляется только из-за сложности, с которыми сталкивается модальная логика. И, вводя заново в философский лексикон данное понятие, Крипке не занимался детальной разработкой данной темы. Не существует конкретных работ, в которых всесторонне описываются взгляды философа. В первую очередь он занимался разработкой семантики модальной логики. Удивительного в этом ничего нет, ведь Крипке все же более заинтересован логическими проблемами, нежели онтологией или метафизикой.

Анализ исследований и публикаций. Несмотря на отсутствие всесторонней теории возможных миров Крипке в одних случаях отмечает, что некоторые мнения связанные с его теорией ложные, в то время как другие двигаются в верном направлении. Из чего же мы можем делать выводы о том, какими же особенностями обладают возможные миры в понимании Крипке? Единственным выходом является собирать по крупицам его взгляды из разных источников.

Изложение основного материала. Крипке отмечает, что не следует рассматривать возможные миры как нечто вроде далеких планет, похожих на наши, но каким-то образом существующих в другом измерении. Чтобы избежать ложного толкования данного понятия Крипке предлагает вместо термина «возможный мир» использовать «возможные состояния (истории мира)» или «контрфактические ситуации» [2, с. 15]. Кроме того, как говорилось выше, по-

нятие возможного мира вводится в связи с модальной логикой, поэтому вполне естественно использовать оператор модальности «возможно, что», дабы избежать ложного понимания.

Интересен тот факт, что во многом Крипке оставляет читателям возможность конструировать разнообразные аспекты возможных миров, желая добавить философский оттенок. Он отмечает, что большинство неверных толкований происходит из-за того, что обсуждения жесткости десигнаторов происходит, так как они выходят из рамок «семантики возможных миров», и, следовательно, дискурс следует вести именно в этом контексте. Однако ни в работе «Именованное и необходимость», ни в последующих трудах Крипке не решает вопросы неверных интерпретаций, не желая придавать этому понятию только техническую форму. Ученый говорит о том, что читатели, знакомые с его воззрениями на интенциональную семантику, понимают, о чем идет речь, но все же он видит необходимость прояснения технических сложностей. Таким образом, вопрос о философском обосновании термина остается открытым.

Однако для того чтобы более наглядно описать рассматриваемое понятие, предоставляется интересный пример. Так, в ведении к работе «Именованное и необходимость» нам предлагается аналогия игры в кости. Рассмотрим кости, брошенные на стол. Очевидно, что для каждой стороны есть 6 возможных вариантов, и, следовательно, 36 вариантов для двух костей. Зададимся вопросом, с какой вероятностью может выпасть сумма в 11? Такой результат мы можем получить только при условии, если на одной стороне мы будем иметь 5, а на другой 6. Или же наоборот. Путем недолгих подсчетов мы придем к ответу, что вероятность такого результата 2 к 36 или же 1 к 18.

С помощью проведения такого простого эксперимента Крипке показывает, что в данном конкретном случае существует набор из 36 миниатюрных возможных миров – 36 возможных положений кости. Учитывая, что после того, как мы бросили кость – мы получили конкретный один результат, который мы можем соотнести с одним из тридцати шести возможных. Получается что у нас есть один актуализированный результат, который является реальным. Крипке говорит об этом так: «Это комплексная физическая сущность («кость» как идея единого объекта) передо мной на столе, после броска, а его фактическое положение определяет фактическое состояние (две циф-

ры на) кости. Но когда мы говорим о тридцати шести возможностях, нам не нужно постулировать, что есть некоторые тридцать пять других образований, существующие неведомо где, которые соответствуют физическому объекту передо мной. Нам не надо спрашивать, состоят ли эти фантомные объекты из (фантомных) «двойников» фактических отдельных костей, или же они состоят из одних и тех же индивидуальных костей, но костей в «другом измерении». Тридцать шесть возможностей, включая актуальность, являются (абстрактными) состояниями костей, а не комплексными физическими сущностями» [2, с. 17].

Кроме того, следует отметить что, несмотря на всю схожесть таких миниатюрных миров со школьной программой, «возможные миры» являются нечто большим. Проблема заключается в том, что есть трудности, которые не включаются в миниатюрные версии. Мини-миры жестко контролируются. Речь идет об объектах, которые в них представлены, и соответственно о свойствах, которыми они обладают. Возвращаясь к примеру, мы говорим о двух костях и о результате. Из этого можно сделать вывод, что и собственно сама вероятность является контролируемой.

В отличие от мини-миров, «возможные миры» являются суммой всех «положений мира, которые могли бы быть», или состояний или истории всего мира. И для того чтобы помыслить обо всех аспектах и совокупностях этих положений, необходимо намного больше навыков идеализации, поразительных вопросов, которым просто не остается места во время рассмотрения жестко контролируемых мини-миров. Однако Крипке говорит о том, что эти вопросы должны быть уместны: «философ возможных миров должен позаботиться о том, чтобы его технический аппарат не заставлял его задавать вопросы, которые являются бессмысленными» [2, с.18]. Здесь речь идет о том, что не следует забывать о нашем первоначальном понимании возможности. Ведь мы на практике не можем описать абсолютно все потенциальные способы развития контрфактических событий, более того, в этом нет никакой необходимости. Что же является необходимым – это описание важнейших свойств, которыми отличается контрфактическая ситуация от реальной. Следовательно, контрфактическую ситуацию можно рассматривать как мини-мир или мини состояние, ограниченное свойствами мира, имеющих отношение к проблеме.

Несмотря на всю относительную простоту в этом вопросе, существует много ловушек, в которые могут попасть философы, занимающиеся проблемами возможных миров. Нет оснований считать, что в вопросах, связанных с возможными мирами, должна быть представлена подлинная проблема «трансмировой

идентификации». Нет никакой разницы – рассматриваем ли мы случай подобный костям или же более сложные, комплексные вопросы. Реальный мир, или же реальные состояния, или историю мира не следует путать с огромным массивом рассеянных объектов, которые окружают нас. Последнее тоже можно было бы назвать «(фактическим) миром», но это здесь неважно. Таким образом, в каком-то смысле, возможные, но не действительные миры не являются призрачными дубликатами «мира» в этом другом смысле. Возможно, такой бы путаницы не было, если бы использовались другие понятия – вместо «возможный мир» «возможные состояния» или «истории» мира, или «контрфактические ситуации».

Крипке отмечает, что возможные миры не используются прямо в философском ключе. «Я не думаю, что возможные миры, могут использоваться для редуктивного анализа в любом философски значительном смысле». То есть, они не могут служить для раскрытия конечной природы модальных операторов, предложений и т.д., ни с гносеологической, ни с метафизической точек зрения, ни для их «экспликация». В развитии своих рассуждений, философ говорит о том, что утверждения, включающие прямо выраженный модальный оборот речи («возможно, был такой случай что»), очевидно, появляется раньше. Хотя понятие «возможный мир» и имеет свои корни в разнообразных обычных идеях о том, каким мог бы быть мир, тем не менее, все-таки он появляется в гораздо большей мере на других уровнях абстракции. На практике, тот, кто не может понять идею возможности, вероятно, и не поймет ничего из «возможного мира» тоже. Философски нам надо предположить, что, один тип дискурса является первичным, по отношению к другим, независимо от актуальных целей. Основной и первоначальный мотив для анализа «возможных миров» и, то, как они проясняют модальную логику, заключается в том, что они позволяют работать с модальной логикой с тем же набором методов модели теории, которые оказались достаточно успешными, когда применялись к экстенциональной логике.

Крипке акцентирует свое внимание на том, что понятие всех состояний всего мира, которые возможны в самом широком (метафизическом) смысле включает в себя определенное количество идеализации, а также философские вопросы, которые он не оговаривает. «Если ограничить миры до более узкого класса мини-миров, по существу, все вопросы, касающиеся, скажем, жестких десигнаторов, остаются теми же. То же самое происходит и с вопросами модальной семантики» [2, с.18].

Таким образом, мы видим, что мыслитель, приводя аналогию с костями с одной стороны, помогает нам интуитивно понять, что же он

имеет в виду, под понятием «возможный мир», с другой стороны, не описывая полностью все аспекты своей теории, как реакцию на свою работу, он получает критику, вопросы и недопонимания и ошибочные толкования.

Так, в одной из сносок в работе «Именование и необходимость» Крипке говорит: «Основное и первоначальное побуждение для «анализа возможных миров» и то, как они проясняют модальную логику, заключается в том, что они дают возможность логике использовать те же наборы теоретических методов модальной теории, которые оказались настолько успешными в применении к экстенциональной логике» [2, 19].

Еще раз, понятие «возможный мир» или контрфактическая ситуация, есть факт, случай, обстоятельства, которые могли сложиться иначе. То есть мы можем говорить о реальных субъектах, существующих в нашем мире, но говорить о вымышленных персонажах мы не можем, так как в нашей вселенной им не хватает качества существования, они живут исключительно в наших идеях. То есть, все что существует, или является истинным в нашей вселенной тоже может существовать и в любом другом мире. Однако есть вещи, которые в действительности являются ложными, но могли бы быть истинными. Обстоятельства могли бы сложиться по-иному. Мир мог бы отличаться от существующего. Так что есть некоторое количество путей, по которым могли бы развиваться история или частная жизнь. То есть существует некоторое количество альтернативных миров, которые могли бы существовать, только возможные, но не настоящие.

Очевидно что истинность предложения зависит от того, какой мир мы рассматриваем. Если мы утверждаем, что «М.В. Попович – директор Института философии НАН Украины», мы говорим об актуальном мире, в любом другом возможном, должность директора мог занимать любой другой человек. Или мы в состоянии предположить такой мир, где, вообще не существует понятия «директор института философии», или даже не существует такого учреждения и т.д. и т.п. Поэтому рассмотренное нами предложение может изменять свою истинность в зависимости от мира, в котором мы его рассматриваем.

Однако говоря об одних и тех же объектах, в разных контрфактических ситуациях – нам необходимо следовать определенным принципам. Одним из ключевых моментов является самотождественность объектов, о которых идет речь. Например, мы говорим о шведском короле Карле Восьмом, который потерпел поражение под Полтавой. Существует мнение, что если бы перед битвой король не был бы ранен, он бы победил в битве под Полтавой. Интересным становится тот вопрос, является ли хромающий Карл восьмой тем же Карлом Восьмым,

который не был ранен? Является ли необходимым тождество объекта в реальном и возможном мире или же случайным?

Похожим вопросом задается Крипке в работе «Тождество и необходимость». Он спрашивает «Как возможны случайные утверждения тождества?» и отмечает, что этот вопрос очень схож с кантовским вопросом о том «как возможны синтетические суждения a priori?». Вопрос может выглядеть достаточно риторическим, ибо он не вызывает никаких сомнений. Однако целью Крипке является поднятие интереса к данной теме: «Что касается случайных утверждений тождества, то философы в большинстве случаев сознают, что в самом понятии случайного утверждения тождества кроется нечто парадоксальное».

Крипке принимается за доказательство того, что случайные утверждения тождества невозможны, с помощью следующих формул [8, с. 341]

- (1) $(x)(y)[(x = y) \supset (Fx \supset Fy)]$.
- (2) $(x) \square (x = x)$.
- (3) $(x)(y)(x = y) \supset [\square (x = x) \supset \square (x = y)]$.
- (4) $(x)(y)((x = y) \supset \square (x = y))$.

Важным моментом в вышеописанных формулах для Крипке является то, что он считает вторую посылку ложной. Философ говорит, что не все является тождественным самому себе в силу некоторого набора потенциальности. Например, если мы говорим что, «Аристотель есть Аристотель» утверждение будет ложным, если мы рассматриваем его в мире, где Аристотеля не существует, то есть Аристотель не является самотождественным в такой ситуации.

Крипке отмечает, что, несмотря на то, что это доказательство уже не раз использовалось в современной философской литературе, тем не менее, вывод является достаточно парадоксальным. Философ обращает внимание на замечание Девида Виггинса: «Но случайные утверждения тождества, безусловно, существуют. Пусть одно из таких утверждений $a=b$. Применив к этой простой истине (4), мы можем вывести ' $\square (a=b)$.' Но если так, тогда почему же возможны случайные утверждения тождества?» [4, с. 41].

Виггинс перечисляет 5 способов решения этого парадокса, но, отбрасывая их, предлагает свой собственный. Однако Крипке проявляет интерес к одному из отвергнутых способов: «Можно было бы принять этот вывод, оговорив особо, что, если a и b являются собственными именами, тогда в нем нет противоречия. Из этого следует, что случайные утверждения тождества возможны, если они делаются о собственных именах» [8, с. 341].

Вполне очевидно, почему Крипке обращает внимание именно на этот способ, так как именно он касается имен собственных, что в первую очередь входит в сферу интересов Крипке.

Следует также разобраться с понятием необходимости, Крипке говорит: «Мы можем считать утверждение необходимым, если оно будет истинным в тех случаях, когда упомянутые в нем объекты существуют». Исходя из этого утверждения, можно внести уточнение ко второй посылке: «Для каждого x необходимо, что если x существует, то он тождествен самому себе». [8, с. 342]

Далее «Если χ и ψ обозначают один и тот же объект и если можно вообще вести речь о модальных свойствах объекта, тогда (1) должна быть признана истинной. Если χ вообще обладает каким-либо свойством, в том числе и таким, которое определяется модальными операторами, и если χ и ψ являются одним и тем же объектом и χ имеет определенное свойство F , тогда ψ должен иметь то же свойство F ».

Для начала Крипке ссылается на Виггинса и, цитируя его, говорит: «Но случайные утверждения тождества, безусловно, существуют», далее использует излюбленный пример о Бенджамине Франклине, ссылаясь на то, что некоторые случайные утверждения тождества существуют: «Примером случайного утверждения тождества является утверждение, что первый главный почтмейстер Соединенных Штатов Америки идентичен изобретателю бифокальных очков и оба они тождественны человеку, которого газета «Сэтердейвнинг пост» называет своим основателем». [8, с. 343] То есть некоторый набор фактов (свойств) присущих конкретному объекту может быть случайным. Чтобы соотнести это утверждение с (4), он пользуется решением Рассела для этой проблемы, не желая углубляться в нее. Рассел предлагает понятие области действия дескрипции.

Суть Расселовского понятия области действия дескрипции заключается в том, что при первом вхождении, дескрипция автор «Гамлета» имеет «широкую область действия». В то время как второе употребление дескрипции имеет узкую область. Речь здесь идет об утверждении того что, если мы при первом вхождении дескрипции приписываем некоторое свойство предмету, то далее мы не можем утверждать что может существовать такое положение дел, при котором предмет не обладал бы этим свойством. Крипке называет такую расселовскую формулировку «производной от его теории дескрипции». То есть, принимая понятие области действия дескрипции, мы избавляемся от сложностей, которые могли бы возникнуть с дескрипциями в утверждениях тождества. Далее Крипке снова возвращается к вопросу об именах, которые поставил Д. Виггинс. «Д. Виггинс говорит, что вывод о существовании случайных утверждений тождества правилен для тех случаев, когда a и b являются собственными именами. И затем сам же отвергает это решение» [8, с. 345].

В то же время, например, А. Хлебалин в своем диссертационном исследовании [10] указывает, вводимое С. Крипке понятие жесткого десигнатора позволяет восстановить указательную определенность термина в модальных контекстах, то есть, обеспечивает независимость существенных свойств объекта от способа спецификации, так как указание жестким десигнатором осуществляется без привлечения кластера дескрипций, на основе которых, согласно традиционной логико-семантической теории, восходящей к Г. Фреге и Б. Расселу, устанавливается референт имени.

Сложность с именами заключается в следующем: человек может использовать имя для выделения определенного объекта и приписания ему неких свойств. Складывается ощущение, что имена просто выполняют референтивную функцию – то есть отсылают нас к называемым объектам, но при этом они не выполняют дескриптивную функцию – имя не может приписывать какие-либо свойства объектам. Если один объект имеет несколько имен, то, очевидно, что они должны быть тождественны между собой. Утверждение «Цицерон – оратор» тождественно утверждению «Тулий – оратор», вследствие того что Тулий и Цицерон отсылают нас к одному и тому же объекту. Крипке замечает, что «казалось бы, что закон Лейбница и закон подставимости тождественного справедливы не только в форме универсальной квантификации, но также и в форме «если $a=b$ и Fa , то Fb » для всех случаев, когда a и b замещают имена, а F замещает предикат, выражающий подлинное свойство объекта» [8, с. 346]. Очевидно, что если a и b замещают имена собственные, и они отсылают нас к одному и тому же объекту, то «если $a=b$, тогда необходимо, что $a=b$ ». Если мы вернемся к примеру о Цицероне, то если истинно, что Цицерон является Тулием, то необходимо, чтобы Цицерон был Тулием. Крипке отмечает, что по сути Рут Баркан Маркус в работе «модальности и интенциональные языки» [3, с. 77] говорит о том же. Удивительно, но такой вывод может быть ложным. Крипке вспоминает критику такой точки зрения Куайном: «Мне кажется, что с противопоставлением собственных имен дескрипциям, которое проводит проф. Маркус, не все обстоит благополучно. Собственные имена присваиваются объектам как ярлыки (The paradigm of the assigning of proper names is tagging). За планетой Венера, когда она наблюдается в ясный вечер, мы можем закрепить собственное имя Геспер. За этой же планетой, наблюдаемой до восхода солнца, мы можем закрепить другое собственное имя – Фосфор. Когда мы, в конце концов, обнаруживаем, что закрепили за одной и той же планетой два разных ярлыка, мы делаем эмпирическое открытие, а не раскрываем дескриптивную природу собственных имен». [8]

Критикуя позиції Куайна, Крипке говорить о том, что вполне возможна такая ситуация когда Фосфор не оказался бы Геспером, и следовательно они не были тождественны между собой. Исходя из этого, истинные утверждения о тождестве объектов не являются необходимыми. Утверждения типа «Геспер есть Фосфор» являются случайными, и, следовательно, имена, присвоенные данным объектам не являются просто референцией или ярлыком, но скорее скрытыми дескрипциями, описывающими предмет. В свою очередь, Рассел считает, что если термин «имя» мы хотим использовать исключительно в референтивном плане, но не в дескриптивном, то опираться мы можем исключительно на эмпирические данные, а такими именами в языке могут быть исключительно указательные местоимения или действительные имена (этот, тот), которые по факту и выполняют только референтивную функцию – указывают на объект. Однако если речь идет об обычных именах собственных, то тождество между ними может быть ошибочным или случайным.

Обычно считается, что собственные имена подобны дейктическим (этот, тот, мой, твой), т.е. они жестко и однозначно указывают на именуемый объект. Как отмечал Ф. Стросон [9], дейктические имена обладают минимальным дискрипционным значением и вместе с тем выступают наиболее точными референтами для объектов. Однако ясно, что идентификация с помощью дейктики принципиально ограничена и не может считаться универсальной. Сами указательные местоимения практически не обладают интенционалом, они могут быть применимы к чему угодно.

Поэтому жесткость дейктики начинает проявляться в ситуациях общения (для указательных местоимений) или знакомства (для притяжательных местоимений). Следовательно, дейктика ситуативна и теряет свое идентифицирующее значение за пределами указанных ситуаций [9 с. 99].

Сами по себе имена собственные похожи на дейктические. Они не имеют смысла (Катя, Вася, Оля), как, например, указательные местоимения, но они также могут точно указывать на денотат. Но в отличие от местоимений, они могут использоваться в других случаях.

Например, в книгах, используя имена делают сноски: Аристотель – греческий философ; ученик Платона; учитель Александра Македонского. Таким образом, именам собственным придается некий смысл, и как следствие повышается его референтность. С. Крипке известен своей критикой теорий Фреге. В частности, его теорий смысла и референции. Так, Л. Демина [5] делит представителей аналитической философии на две группы: первая (Б. Рассел, А. Черч, Р. Карнап др.) по ее мнению развивает указанные теории Фреге, а вторая (Л. Витгенштейн, С. Крипке, Дж. Остин, Я. Серль и др.) критикует их и пересмагивает. Демина противопоставляет теоретические построения Фреге, в которых теории смысла и референции составляют одно теоретическое целое, так называемым «новым теориям референции», в которых теории смысла и теории референции противопоставляются. Исследовательница подчеркивает, что в работах С. Крипке, Я. Хинтикки, Р. Монтегю, которые она относит к вышеназванным новым теориям референции, смысл сводится к референции, возникает семантика «возможных миров», в которой уточняется понятие смысла в связи с введением понятий «возможного мира» и «возможного индивида».

Отметим, что разграничивают и противопоставляют позиции Крипке и Фреге и другие исследователи, в частности Д. Иванов [6]. Иванов, говоря об исследованиях взаимоотношений теории референции и анализа нереперенциальных контекстов, пишет о том, что экстерналистская позиция С. Крипке направлена против интерналистского подхода Фреге, свидетельствуя о том, что языковая референция и значение – это, прежде всего внешние, социальные феномены, противостоящие внутренним, ментальным феноменам.

Выводы. Таким образом, мы видим, что понятие «возможный мир», представленное Солом Крипке, является на сегодняшний день одним из ключевых в аналитической философии и вызывает много споров из-за разных трактовок. Кроме того, интересным представляется семантика возможных миров, и трансмировое тождество, которое представляет С. Крипке. Важным аспектом является полемика основанная на идеях Б. Рассела, Г. Фреге, Р.Б. Маркуса, Д. Виггинса.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Wiggins, D. Identity-statements. [Текст] / D. Wiggins— In: «Analytical Philosophy», ed. by R. J. Butler, Second Series, Basil Blackwell, Oxford, 1965, p. 41.
2. Демина Л. А. Парадигмы смысла: логико-гносеологический анализ. Автореф. дис. док. филос. наук: 09.00.01 [Текст] / Московский государственный областной университет. – М., 2006. – 32 с.
3. Иванов Д.В. Значение как объект гносеологического исследования Автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.01 [Текст] / Московский государственный университет им. М.Ломоносова. – М., 2001. – 16 с.
4. Козаченко Н.П. Проблемы теории референции [Текст] // Актуальные проблемы духовности. Вып. 12. Кривой Рог: КДПУ 2011 с. 108-130
5. Крипке С. Тождество и необходимость [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и

- лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. статья Н.Д. Арутюновой. — М.: Радуга, 1982. — С. 340-377
6. Kripke S. Naming and Necessity [Текст] / S. Kripke. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
7. Marcus, R. Barcan. Modalities and intensional languages. [Текст] / R. Barcan Marcus, — «Boston Studies in the Philosophy of Science», Vol. 1. New York, 1963.
8. Стросон П.Ф. О референции [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост., ред. и вступ. статья Н.Д. Арутюновой. — М.: Радуга, 1982. — С. 109-134.
9. Fitch G.W. Saul Kripke [Текст] / G.W. Fitch. — Ithaca : Montreal & Kingston, 2004. - 194 p.
10. Хлебалин А. В. Категория сущности и аналитический метод. Автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.01 [Текст] / Новосибирский государственный педагогический университет. — Новосибирск, 2004. — 17 с.

Стаття надійшла до редакції 04.06.2016

REFERENCES:

1. Wiggins, D. Identity-statements. «Analytical Philosophy», ed. by R. J. Butler, Second Series, Basil Blackwell. 1965. Oxford, 41.
2. Djomina, L. A., 2006. Paradigmy smysla: logiko-gnoseologicheskij analiz. Avtoref. dis. dok. filos. nauk: 09.00.01 [Paradigms of sense: the logical-epistemological analysis]. Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. Moscow (in Russian).
3. Ivanov, D.V., 2001. Znachenie kak ob'ekt gnoseologicheskogo issledovaniya Avtoref. dis. kand. filos. nauk: 09.00.01 [Meaning as an epistemological object of research]. Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.Lomonosova. Moscow (in Russian).
4. Kozachenko, N.P., 2011. Problemy teorii referencii [Problems of theory of Reference]. Aktual'nye problemy duhovnosti 12. KDPU, 108-130. Krivoj Rog (in Russian).
5. Kripke, S., 1982. Tozhdestvo i neobходimost' [Identity and necessity]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Logika i lingvistika (Problemy referencii) 13, 340-377. Raduga, Moscow (in Russian).
6. Kripke, S., 1980. Naming and Necessity. Cambridge, MA: Harvard University Press.
7. Marcus, R. Barcan., 1963. Modalities and intensional languages. «Boston Studies in the Philosophy of Science» 1. New York (in English).
8. Stroson, P.F., 1982. O referencii [About reference]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Logika i lingvistika (Problemy referencii) 13, 109-134. Raduga, Moscow (in Russian).
9. Fitch, G.W., 2004. Saul Kripke. Montreal & Kingston, Ithaca (in English).
10. Hlebalin, A. V., 2004. Kategorija sushhnosti i analiticheskij metod. Avtoref. dis. kand. filos. nauk: 09.00.01 [Category of essence and analytical method]. Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Novosibirsk (in Russian).

Ковтун Анастасия Леонидовна – аспирант
Днепропетровский национальный университет им. О.Гончара
Адрес: 49010, Дніпро, пр. Гагарина, 72

Kovtun Anastasia L. – postgraduate
Oles Honchar Dnipropetrovsk national university
Address: 72, Gagarin Av., Dnipro, 49010, Ukraine
E-mail: anastasia.kovtyn@gmail.com

Ковтун Анастасія Леонідівна – аспірант
Дніпропетровський національний університет ім. О.Гончара
Адреса: 49010, Дніпро, пр. Гагарина, 72